

За 60 лет жизни – юбилей великого мага танца 18 апреля – Владимир Васильев добился таких высот в искусстве балета, каких не удалось взять многим незаурядным танцовщикам и в России, и в мире. 42 года служения Терпсихоре принесли ему поистине мировую славу. Обладатель Гран-при, золотых медалей международных конкурсов и фестивалей, премий имени Дягилева, Нижинского, Петипа, парижской Академии танца, итальянской Академии «Симба». Профессор ГИТИСа. Почетный профессор МГУ. Одна из последних его наград – французский орден «За заслуги». Им президент Франции Жак Ширак наградил Васильева «за вклад в мировую хореографию». Открытие «эры Васильева» состоялось в 1959 году в США во время гастролей балетной труппы Большого театра. Ведущий критик «Нью-Йорк таймс» Джон Мартин писал, что «невозможно представить ничего лучше, чем Васильев». Другой специалист в области хореографии, Уолтер Терри из «Нью-Йорк геральд трибюн», вынес в заголовок статьи: «Васильев – восходящая суперзвезда мирового балета». Когда же журналисты попросили прокомментировать увиденные спектакли Чарли Чаплина, тот коротко бросил: «Запомнились двое – Плисецкая и Васильев».

– Марис Лиена говорил: когда артист выходит на сцену, он не ощущает боли.

– Так было и со мной. Часто приходилось игнорировать болячки. Зритель шел на мои спектакли, лелея надежду получить удовольствие, испытать наслаждение, если хотите. И я не мог себе позволить выйти к публике и сказать: «У меня отказывает колено, я сегодня не в форме, так что не вздыхайте, будет то, что будет!»

– Говорят, артисты балета склонны преувеличивать роль диеты в своей жизни, или это не так?

– Ни один человек, очень любящий свой желудок, не может произвести на свет божий ничего истинно прекрасного. Все хорошо в меру. В балете тем более. С набитым до отказа желудком высоко не улетишь. Хотя я себе не отказывал в еде. Кофе, например, причислял к любимым напиткам.

– Помните, однажды, решив подкрепиться, вы выложили банку селедочек в собственном соку на горячую сковородку?

– Как не помнить! Там были не селедки, какие-то другие рыбы. От вони той жарехи до сих пор не могу избавиться. Так и стоит она перед носом столько лет.

когда будет спокойствие, единение, дружба. В нем есть выдающийся мастер с мировым именем. Но все не могут быть такими. Претензии иных артистов на лидирующие роли в коллективе бывают столь велики, что для них понятия совесть, порядочность, интеллигентность перестают существовать. Но нельзя стать мастером, не имея за душой ничего, кроме желания достичь цели любыми средствами. Подлинный художник должен прежде всего бороться с самим собой и никогда не изливать свои негативные чувства и явные заблуждения публично.

– Каждый человек может заблуждаться...

– Но упорствовать в заблуждении может только глупец. Люди заблуждаются не потому, что не знают, а потому, что воображают себя знающими. Хотя всем известно, что нравственную высоту набирает тот, кто много знает и не выставляет себя знающим.

– Осталась ли в вашем сердце заноза от конфликта с Григоровичем?

– Сегодня я был бы рад, если бы Юрий Николаевич заразился интересной идеей и сделал что-нибудь для театра. Не воздать должное ему невозможно. Я ведь был просто влюблен в его творчество, нас связывали очень долгие годы дружбы. А что значит дружба? Когда ты можешь спокойно сказать и неприятные вещи. Я знаю, в чем я виноват. В том, что в силу молодости, максимализма посмел открыто критиковать главного балетмейстера. Но ведь противоестественно постоянное восхваление всего того, что делается этим человеком, – и хорошего, и плохого. У каждого из нас есть свои плюсы и минусы.

Тогда началось подминание всех и

вся, совершенно явно стала

проводиться идея, что

Большой без Григо-

ровича ничто. А мы

что? Ничто? Матери-

ал, из которого мож-

но делать что угодно? Диктовать волю

должно в интересах творчества, а не для

того, чтобы плести интриги.

– У нынешних юных оперных дарован-

ний актерские способности не соответст-

вуют вокальным. В чем тут дело?

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ:

В БОЛЬШОМ

НИКОГДА НЕ БУДЕТ

СПОКОЙСТВИЯ

Юрий
БЕСПАЛОВ

ворочно. Даже королева Бельгии Елизавета, посетившая в 1958 году хореографическое училище и Большой театр, назвала Катю «очаровательно-ослепительным русским бриллиантом» и, как выразился Арам Ильич Хачатурян, «буквально обалдела от восторга». Она и на родине с трепетом вспоминала о том, что стало после возвращения из Москвы лишь тенью блаженства. Я же пришел к настоящим творческим победам позже, в середине шестидесятых. Тогда мне присвоили звание заслуженного артиста России, затем народного, ордена установили соответствующий ставке солиста...

– ...И тогда Васильев сразу же приобрел превосходный «Ситроен», каких в Москве до этого было всего два – у Плисецкой и посла Франции.

– В те замечательные годы творческих удач, как, впрочем, и в последующие, я не добивался какого-либо благополучия, каких-то привилегий, не прилагал никаких усилий, чтобы получить звание, медаль, орден... Все происходило само собой. Я мечтал лишь об одном – о железном здоровье. Слава богу, оно меня никогда не подводило, несмотря на то что я долго курил, мог выпить водки сколько хотел, абсолютно уверенный в том, что влияние алкоголя никак не отразится на моих выступлениях, – 11 спектаклей в месяц в театре считалось нормой. На гастролях за границей число их значительно увеличивалось.

– Кстати, вы трижды встречались с королевой Великобритании. На одном из приемов в вашу честь Елизавета II пожелала вам «сохранить высокий танцевальный тонус на долгие годы». Надежды Ее Величества сбылись?

– Думаю, да. Я танцевал до 53 лет, в 50 исполнял партию Альберта в «Жизелли» и не знаю, кто еще из танцовщиков смог это сделать.

– Плисецкая, Максимова, другие звезды балета не избежали тяжелых травм. О травмах Васильева никто ничего не знает.

– Назовите мне хотя бы одного артиста балета, спортсмена, акробата или гимнаста в цирке, чтобы кто-то из них избежал подобной напасти. Такого не бывает. И спина болела, и мышцы ног. На Кубе танцевал с Алисией Алонсо в нескольких балетах с жуткой болью в колене. Потом пять спектаклей в Аргентине с той же проблемой. В Буэнос-Айресе, где меня избрали почетным гражданином, рухнул на сцену с порванным мениском. В Ницце в па-де-де из «Дон Кихота» во время прыжка почувствовал, как надорвалась нога, и еле встал при мертвой тишине зала. Когда вернулся домой и лег на операционный стол, хирург только ахнул: как с таким коленом можно было двигаться, не то что танцевать!

– За всю историю Большого не было случая, чтобы промахи и ошибки его директоров не заметила критика. И вы здесь не исключение.

– Критика обязана помогать творцам осознать содеянное ими. Редко кому это удается. Хороших критиков можно сосчитать по пальцам. Безответственных – сколько угодно. Причем самые ретивые из них те, кто сам никогда ничего путного не создал. Пресса научила меня сдерживаться, перемалывать в себе прочитанное или вообще не читать то, что явно во вред работе.

– Как вам удается предотвращать разборки, склоки, интриги, обычные в театральном мире?

– Вернуть театр из больших скандалов в большое искусство – задача, не решаемая в один день или месяц. Дело в том, что в Большом никогда не было и вряд ли

– Катастрофически не хватает артистического образования. Я пришел к выводу, что надо в корне менять систему обучения. Почему выпускники театральных вузов, которые приходят на оперные сцены, завоевывают большую популярность, если у них, конечно, есть вокальные данные? Они обучены актерскому мастерству. Если же приходит человек из консерватории, приходится заниматься постоянным натаскиванием.

– Ваш любимый афоризм «Я знаю, что я ничего не знаю» не поменялся с годами?

– Конечно, нет. Он заставляет двигаться в познании жизни дальше, ведет к самосовершенствованию, а значит, к достижению наилучших результатов.

– У вас есть неудачи?

– Главная – потеря времени. Оно все менее мне принадлежит, и все более его недостает.

– Сорок лет семейный дуэт Максимова-Васильев демонстрирует идеальную устойчивость. В чем секрет?

– Да какой тут секрет... Наш брак нельзя назвать идеальным по той простой причине, что таких на свете не бывает. Брачное небо не всегда безоблачно, и не бывает согласия абсолютного, совершенного. Любовь – самая недоступная из тайн жизни, и никакие рецепты не помогут ее разгадать. Я думаю, что человек увеличивает свое счастье в любви в той мере, в какой он доставляет его другим. Одно из правил супружеской жизни, я считаю, быть полезным. Находить понимание, вершить добро, идти на компромисс и, главное, сохранить уважение к самому себе.

– Вы добились всего, что хотели?

– Нельзя сделать все, что хочется. Желать себе и окружающим можно только того, что можно сделать. Горе тому, кто видит удовлетворенным каждое свое желание. Ему больше ничего не остается желать.